

Какого рода *alter ego*?

© М. А. БОБРИК

Сочетание *alter ego* часто используется без перевода и записывается латиницей или (в последнее время чаще) кириллицей (*альтер-эго*, *альтерэго*, *альтер эго*). В качестве русского эквивалента этого латинского выражения выступают сочетания *другое/второе я* или *другой/второй я*. Вариация согласования по роду восходит к двум разным традициям употребления субстантивированного *я*, оформившимся к началу XX века.

Предшественником русского *второй/другой я* было церковнославянское сочетание *вторый аз*, которое отмечено в начале XVIII века, в частности, в книге “Апоффегмата то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три” (1716) в качестве перевода польского *drugi ja* (< лат. *alter ego*): “Приятель добрый есть, *вторый аз*” [1]. Такой (опосредованный польским) перевод вполне корректно передает грамматику и смысл латинского выражения. Близким синонимом *alter ego* выступало сочетание *alter idem* “другой такой же”. За обоими выражениями стояло представление о близком друге.

Русским эквивалентом *alter ego* в XVIII–XX веках служило прежде всего сочетание *другой я*. Согласование в мужском роде отвечало в нем латинскому образцу и поддерживалось французским *l'autre moi* (субстантивированное местоимение первого лица во французском языке мужского рода – *le moi*). Например, у В.Л. Пушкина о брате Сергее Львовиче: “Душами сходствуем: он – точно я *другой*” [2]. Такое упо-

требление можно наблюдать и в текстах более позднего времени, например, у Е. Замятина (“Мы”, 1920): “Я стал стеклянным. Я увидел – в себе, внутри. Было два меня. *Один я* – прежний, Д-503, номер Д-503, а *другой*... Раньше он только чуть высовывал свои лохматые лапы из скорлупы, а теперь вылезал весь;<...>

Я – один. Или, вернее: наедине с *этим, другим “я”*.

Форма рода в словосочетании могла соотноситься с реальным полом говорящего (*Ты – второй я / вторая я, как Ты – второй отец / вторая мать* или *Ты – второй Пушкин / вторая Ахматова*). Ср. в переводе “Письма к амазонке” М. Цветаевой, где речь идет о женщине-двойнике, сочетание *этой другой мной*, в котором явны как склоняемость (местоименность) *я*, так и соотнесенность с женским полом автора: “А здесь врага нет, потому что – *еще одно я*, опять *я, я новая*, но спавшая *внутри меня* и разбуженная *этой другой мной*, вот *этой* предо мной, *вынесенной* за пределы меня и, наконец, *полюбленной*”. И слово-итог: “О, я! О, милая я!”.

В тех случаях, когда латинское сочетание оставлялось без перевода, определение к нему стояло, как правило, в мужском роде.: «*Этом alter ego* Белинского вспоминает “золотые годы своего детства”» [3].

Со временем, однако, в сочетании, соответствующем латинскому *alter ego*, появляется согласование в среднем роде – другое / второе я: «Внутреннее зло его является ему, как *другое ego “я”*, и терзает его» (Бердяев. Мирозозерцание Достоевского).

Такое употребление сближает понятие *alter ego* с представлением о некоей внутренней сущности человека, обозначением которой служило субстантивированное *я*, и стало возможным на фоне утверждения в языке сочетаний типа *мое я*. Этот процесс, начавшийся под воздействием определенной традиции немецкой философии, шел на протяжении всего XIX в. Влияние немецких моделей словоупотребления играло при этом большую роль. В случае *второе я* это влияние могло идти как через модель *мое я*, так и через немецкую традицию перевода *alter ego* сочетанием (*mein*) *anderes Ich*, которое использовалось чаще, чем форма мужского рода (*mein*) *anderer Ich* [4]. Взаимодействие двух субстантивированных употреблений *я* наиболее вероятно прежде всего у авторов, в творчестве которых концепт “я” играл заметную роль. К числу таких авторов, безусловно, относился Бердяев, и в этом смысле приведенная цитата показательна как пример индивидуального употребления, заключающего в себе один из возможных путей развития нормы.

Вариант с согласованием в среднем роде был кодифицирован в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (первое издание 1935–40), в котором за *я* впервые в русской лексикографии признается значение “сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире как личности”, “(в идеалистической философии) субъекта”. В этом духе интерпретируется здесь и *alter ego*, и среди примеров

фигурирует *мое второе "я"*, *другое "я"* (перевод латин. *alter ego*) [5]. При этом сочетание *другое / второе я* очевидным образом переосмысливается по образцу атрибутивных сочетаний с субстантивным *я* типа *мое я, внутреннее я* и под.

К настоящему времени вариант с согласованием в среднем роде прочно утвердился в современной лексикографии [6, 7]. Показательно, что вариант *другое я / второе я* представлен в наиболее полном латинско-русском словаре А.Х. Дворецкого (первое издание 1949). Под *alter* в значении "равный, такой же, сходный" здесь приводится выражение *alter ego* или *alter idem*, которое переводится как *второе я* (ближайший друг) [8].

В современном русском употреблении вариант *другое/второе я* стал основным. Приведу несколько произвольно выбранных контекстов: "*Второе Я*" (Название фильма Нины Шориной. 1989); "Кажется, и героев-то эссе и меморий он избирает вовсе не для похвального слова, а для подтверждения все той же не дающей покоя, все становящейся теории, которая растет в нем как живое тело, как *другое "я"*, неустанно ищущее реализации" (В. Курбатов. Дорога в объезд); "Близкий друг, как любили повторять древние, – это *второе "я"*" (Н.В. Брагинская. Елена Лившиц – Ольга Фрейденберг, или Травестия близнечного мифа // Новое литературное обозрение. 1994); «Но и не зная ничего о самом Соллерсе, легко почувствовать, что портрет Казановы нужен автору лишь как косвенный автопортрет, что мы должны воспринимать Казанову как "*второе я*" Соллерса – такого же свободного и жизнерадостного одиночки» (Г. Дашевский. Корыстный посредник).

В этом же ряду – фраза из интервью актрисы театра им. Е. Вахтангова Юлии Рутберг, где она говорит, что "должна играть *альтер эго*, то есть *другое "я"*, время, совесть". Отмечу, что *alter ego* дано в транслитерации. Такое написание было возможно и раньше (например, название фильма Юрия Мамина "Альтер эго", 1980 г.), но встретить его можно было существенно реже, чем переводной эквивалент. В последние годы, напротив, предпочтение часто отдается транслитерации *альтер-эго* (графические варианты: *альтер эго*, *альтерэго*). Стилистический статус и частотность еще недавно ученого слова при этом стремительно меняются. Теперь название "Альтер эго" вошло в быт – его носят салоны красоты, парикмахерские, косметические центры, рестораны, рекламные агентства и пр. Иностранного шикю этому словосочетанию парадоксальным образом придает именно кириллица, одновременно избавляя его от груза философско-ученых смыслов.

Подвергшись как бы обратному переводу на латынь, сочетание *другое / второе я* передает новому варианту свое грамматическое устройство. Так появляются сочетания *мое альтер-эго*, *твое альтер-эго*, *криминальное альтерэго*, *безликое альтер эго* и под.

Что касается варианта *другой / второй я*, то он стал чрезвычайно редкостью. В текстах последнего времени скорее встретится непере-

водной вариант с согласованием в мужском роде *мой альтер-эго*. Различение рода при согласовании позволяет, на наш взгляд, более отчетливо оформить разные значения субстантивного *я*. Однако современный узус склонен пренебрегать этой возможностью и отдает предпочтение модели согласования неизменяемых *я* и *альтер-эго* в среднем роде.

Литература

1. Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1.
2. Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1963.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. под ред. Иванова-Разумника. СПб., 1911.
4. DW – Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Nachdruck. München, 1984.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. IV. М., 1940.
6. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. М., 1981.
7. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
8. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

В статье использованы материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru) и Интернета.